

АЗБУКА-КЛАССИКА

NON-FICTION

**ФРИДРИХ
НИЦШЕ**

*По ту сторону
добра и зла*

*Прелюдия
к философии
будущего*

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 1/14
ББК 87.3
Н 70

Перевод с немецкого Елены Соколовой

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Валерия Гореликова

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2015
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-09551-9

ПРЕДИСЛОВИЕ

Если мы предположим, что истина есть женщина, то разве мы не имеем основания подозревать, что все философы, поскольку они были догматиками, плохо знали женщин и что ужасающая серьезность, неловкая навязчивость, с которой они до сих пор приступали к истине, были неумелыми и неподобающими средствами для того, чтобы расположить к себе женщину? И она действительно не поддавалась соблазну — и вот всякого рода догматика стоит теперь огорченная и обескураженная. Если она только вообще еще стоит! Есть насмешники, которые утверждают, что она упала, что вся догматика лежит во прахе, более того, что вся догматика находится при последнем издыхании. Строго говоря, мы имеем полное основание надеяться, что все догматическое умствование в философии, какой бы торжественный и авторитетный вид оно ни принимало, было лишь все-таки детской игрой и азбукой мышления, и весьма близко, может быть, то время, когда люди снова поймут, чего, собственно говоря, достаточно было когда-то для того, чтобы положить фундамент тем возвышенным и абсолютным философским сооружениям, которые до сих пор возводили догматики, — какого-нибудь народного поверья из незапамятных времен (как, например, суеверие души, суеверие субъективного «я», которое и до

сих пор еще не перестало бесчинствовать), может быть, игры слов, грамматической ошибки или смелого обобщения очень узких, очень личных, слишком человеческих фактов. Будем надеяться, что философия догматиков была лишь обещанием на тысячелетия вперед, каковым еще в более раннюю эпоху была астрология, на служение которой положено было, может быть, более труда, денег, остроумия, терпения, нежели для какой бы то ни было действительной науки до сих пор. «Ей и ее сверхъестественным» претензиям в Азии и Египте мы обязаны грандиозным стилем архитектуры. По-видимому, для того, чтобы великое могло со своими вечными требованиями запечатлеться в сердце человечества, оно не должно прежде пройти по земле в форме отвратительных и страшных чудовищ: одним из таких чудовищ была догматическая философия, как, например, учение Веданты в Азии и платонизм в Европе. Но не будем неблагодарны ей, хотя мы и должны сознаться, что самое худшее, положительное и опасное из всех бывших до сих пор заблуждений было заблуждение догматика, а именно выдуманное Платоном учение о чистом духе и добре в самом себе. Теперь, когда это заблуждение побеждено и Европа может вздохнуть свободно от этого кошмара и, по крайней мере, пользоваться здоровым сном, мы, задача которых заключается в бдении, наследники всей той силы, которую развила борьба против этого заблуждения. Правда, это значило перевернуть истину вниз головой и отречься от перспективности, от основного условия всей жизни и говорить о душе и добре так же, как Платон. Мы, подобно врачу, можем спросить: «Откуда взялась такая болезнь у Платона, этого прекраснейшего

представителя древности? Неужели его испортил злой Сократ? Не был ли Сократ действительно совратителем юношей и не заслужил ли он цукуты?» Но борьба против Платона или, чтобы выразиться понятнее и «популярнее», борьба против христианско-церковного ига тысячелетий, так как христианство есть только платонизм «для народа», произвела удивительное напряжение ума, какого еще не было на земле; с таким туго натянутым луком можно метить в самые отдаленные цели. Правда, что европеец считает это напряжение временным злом и уже два раза в широких размерах старался ослабить тетиву, один раз с помощью иезуитизма, другой раз посредством демократического просвещения. В последнем смысле с помощью свободы печати и чтения газет, пожалуй, действительно достигли бы того, что дух не чувствовал бы сам себя бедствием! (Немцы выдумали порох — с чем их и поздравляю! Но они расквитались за это изобретением печати.) Мы же, не принадлежа ни к иезуитам, ни к демократам, мы добрые европейцы и свободные, очень свободные умы, — мы все еще чувствуем и все бедствие духа, и все напряжение лука, а может быть, и стрелу, задачу, кто знает? Цель...

Сильс-Мария, Верхний Энгадин

Июнь 1885

ГЛАВА I

О ПРЕДРАССУДКАХ ФИЛОСОФОВ

1. Стремление к истине, которое побудит нас еще ко многим отважным поступкам, та знаменитая достоверность, о которой философы до сих пор говорили с таким благоговением, — каких вопросов не задавали нам они? Какие удивительные, мучительные, сомнительные вопросы! Это уже старая история, а между тем кажется, будто она только что началась. Удивительно ли, что мы наконец теряем доверие, теряем терпение и с досадой отворачиваемся, что мы, в свою очередь, у этого сфинкса учимся задавать вопросы? Кто же здесь, собственно, задает нам вопросы? Что такое в нас самих стремится «к истине»? Действительно, мы долго останавливаемся перед вопросом о причине этого стремления — до тех пор, пока мы не остановились окончательно перед еще более глубоким вопросом. Мы спросили о ценности этого стремления. Положим, мы хотим истины: почему же лучше не лжи? Не сомнения? Не незнания? Проблема ценности истины предстала перед нами — или мы сами подошли к этой проблеме? Кто из нас здесь Эдип? Кто Сфинкс? По видимому, здесь сходятся вопросы и вопросительные знаки?.. И поверит ли кто, что в конце концов нам будет казаться, что эта проблема еще никогда не была поставлена перед нами — что мы увидели ее впервые, впервые отважились на нее?

Ибо при этом есть риск, более которого, может быть, и не существует.

2. Как могло бы что-либо возникнуть из своей противоположности? Например, истина из заблуждения? Или стремление к истине из стремления к обману? Или самоотверженное действие из корыстолюбия? Или чистое, ясное, как свет солнца, воззрение мудреца из жадности? Такие явления невозможны: кто мечтает об этом — глупец, еще хуже того. Предметы высшей ценности должны иметь иное, собственное происхождение — из этого непрочного, обманчивого, ничтожного мира, из этой пуганицы безумия и жадности их вывести нельзя. В недрах бытия, в незыблемом, скрытом божестве, в «вещи в себе» — вот где «должны лежать их основы, и более нигде!» Этот способ суждения составляет тот типичный предрассудок, по которому можно узнать метафизиков всех времен; этот род оценки находится в глубине всех их логических выводов, из этой «веры» своей они стараются достигнуть «знания», чего-то, чему в конце концов торжественно дается название «истины». Основное верование метафизиков есть вера в противоположность ценностей. Даже самым осторожным из них не пришло в голову усомниться уже на пороге, там, где это было особенно необходимо, даже тогда, когда они дали себе слово «*de omnibus dubitandum*»¹. Мы можем сомневаться, во-первых, в том, что вообще существуют противоположности, и, во-вторых, что те популярные оценки и противоположные ценности, на которые метафизики наложили свою печать, — может быть, только оценки переднего плана, ближайшие перспективы,

¹ Сомневаться во всем (*лат.*).

видимые к тому же из-за угла или снизу, — лягушечьи перспективы, как говорят художники? При всей ценности, которую может иметь истинное, правдивое и бескорыстное, возможно, что кажущемуся стремлению к обману, к себялюбию и жадности следовало бы для жизни вообще приписать высшую и более основательную ценность. Возможно даже, что ценность тех хороших и уважаемых вещей заключается именно в том, что они фатальным образом сплетены, связаны, сродственны и, может быть, одинаковы по своей сущности с этими дурными и, по-видимому, противоположными вещами. Может быть! Но кто же захочет заняться такими опасными «может быть»? Для этого следует подождать появления новой породы философов, таких, которые отличаются другими, противоположными вкусами и наклонностями, нежели те, которые были до сих пор, — философов опасного «может быть» в полном смысле слова. И, серьезно говоря, я вижу появление таких новых философов.

3. После того как я долго следил за философиями и наблюдал их, я сказал себе: нужно бóльшую часть сознательного мышления причислить еще к функциям инстинкта, даже и по отношению к философскому мышлению; здесь надо переучиваться так же, как люди переучивались относительно наследственности и «прирожденного». Насколько самый акт рождения мало принимается во внимание во всем предыдущем и последующем ходе наследственности, настолько же мало «самосознание» в каком-либо положительном смысле может быть противопоставлено инстинктивному мышлению: бóльшая часть сознательного мышления философа тайно управляется его инстинктами, которые сильно ведут его по известным путям. За всякой

логикой и ее кажущейся самостоятельностью движения скрывается также оценка, точнее говоря, физиологические требования ради сохранения известного рода жизни. Например, что определенное ценится более неопределенного, обман ценится менее «правды», — подобные оценки, при всей своей регулирующей важности для нас, суть только оценки переднего плана, известного рода *plaiserie*¹, которая, пожалуй, нужна для сохранения таких существ, как мы. Предположив, что «мера вещей» не есть именно человек...

4. Ложность суждения еще не может служить нам возражением против суждения; в этом отношении наш новый язык кажется наиболее непонятным. Вопрос заключается в том, насколько оно способствует развитию, сохранению жизни, сохранению рода, может быть, даже зарождению рода. И мы принципиально склонны утверждать, что самые ложные суждения (к которым синтетические суждения принадлежат а priori²) для нас самые необходимые, что без допущения логических фикций, без измерения действительности чисто вымышленным миром абсолютного, самому-себе-равного, без известной подделки мира посредством числа человек не мог бы жить. Отречение от ложных суждений было бы отречением от жизни, отрицанием ее. Признать неправду необходимым условием жизни — это значит, конечно, оказывать опасное сопротивление обычно высоко оцениваемым чувствам, и философия, отваживающаяся на это, уже одним этим ставит себя по ту сторону добра и зла.

¹ Глупость (*фр.*).

² Независимо от опыта, букв. «до опыта» (*лат.*).

5. Смотреть на всех философов отчасти с насмешкой побуждает нас на то, что мы поминутно видим, до чего они невинны, как часто и как легко они ошибаются и заблуждаются, — одним словом, видим их детскую наивность и ребячество, а то, что они поступают не всегда честно и в то же время они все вместе поднимают добродетельный гвалт, как только, хотя бы издали, затрагивается проблема правдивости. Все они делают вид, будто достигли своих собственных мнений и открыли их путем саморазвития холодной, чистой, божественно невозмутимой диалектики (в отличие от мистиков всех сортов, которые честнее, но и глупее их и говорят о «вдохновении свыше»); тогда как, в сущности, они с помощью подтасованных оснований защищают предвзятый тезис, выдумку, «внушение свыше», большей частью отвлеченным способом созданное и профильтрованное желание сердца. Все они адвокаты, только не хотят носить эту кличку, и даже большей частью хитрые защитники своих предрассудков, которые они называют «истинами». Они очень далеки от той храбрости совести, которая признается именно в этом, очень далеки от той храброй порядочности, которая высказывает это, — для того ли, чтобы предостеречь друга или недруга, на зло ли другим или в насмешку над собой. Натянутое и благонаправное лицемерие старика Канта, с которым он нас заманивает на обходные диалектические пути, ведущие или, скорее, заманивающие к его категорическому императиву, — это зрелище вызывает у нас, избалованных, улыбку, и нам очень забавно наблюдать тонкие уловки старых моралистов и проповедников морали. Припомним также тот фокус в математической форме, в который

Спиноза, как в панцирь, заковал и замаскировал свою философию — «любовь к своей мудрости», по справедливой и верной оценке выражения, — чтобы этим сразу запугать противника, который осмелился бы бросить взор на эту непобедимую деву, Палладу-Афину. Сколько собственной трусости и несостоятельности скрывает уединенный больной под этой маской!

6. Мало-помалу я уяснил себе, чем была до сих пор всякая большая философия: это исповедь ее автора, нечто вроде невольных и бессознательных мемуаров; я понял также, что нравственные (или безнравственные) намерения каждой философии составляли истинный зародыш, из которого возникло все растение. Хорошо (и умно) для объяснения того, как составились самые отдаленные метафизические суждения философа, предварительно спросить: какую он хочет вывести из этого мораль? Поэтому я не думаю, чтобы источником философии было «побуждение к познанию», но что здесь, как и всюду, другое побуждение воспользовалось познанием (и ошибкой!) как орудием. Кто старается распознать, насколько основные побуждения человека именно в этом случае проявляют свою деятельность как вдохновляющие гении (или демоны), тот найдет, что все они уже прежде занимались философией и что каждое из них считало именно себя охотнее всего конечной целью бытия и полноправным господином всех остальных побуждений. Каждое побуждение властно и как таковое пытается философствовать. Разумеется, с учеными, с людьми, посвятившими себя науке, дело обстоит, может быть, иначе — «лучше», если хотите: там действительно, пожалуй, есть нечто вроде побуждения к познанию; какой-нибудь

маленький самостоятельный механизм, который, будучи хорошо заведен, храбро работает без того, чтобы другие побуждения ученого принимали в этом участие. Собственно «интересы» ученого находятся обыкновенно совсем в ином месте — в семье, в зароботке или в политике, почти безразлично, к какой части науки приставлен его маленький механизм и выработает ли из себя «обещающий» молодой работник хорошего филолога или химика, — его не определяет то, что он делается тем или другим. В философе, наоборот, нет ничего безличного; в особенности мораль его служит решительным и решающим показателем того, кто он, то есть в каком порядке, по отношению одних к другим, стоят самые сокровенные побуждения его натуры.

7. Как философы могут быть злобны! Я не знаю ничего более ядовитого, чем шутка, которую позволил себе Эпикур относительно Платона и его последователей; он назвал их *Dionysiokolakes*. Это означает по смыслу слова «льстецы Диониса», то есть прихвостни тиранов и плевколизы¹. Ко всему этому он еще хочет сказать, что «все это комедианты, у которых нет ничего натурального» (ибо слово *Dionysokolax* было народным прозвищем актера).

В этом-то и заключается собственно злоба, которой Эпикур хотел уязвить Платона. Его раздражала грандиозная манера выставять себя напоказ,

¹ Намек на дружбу Платона с Дионисием Младшим, племянником Дионисия Старшего, сиракузского тирана. Каламбур Эпикура строится на почти одинаковом звучании имен Дионисия-тирана и Диониса-бога, так что «дионисоколак», т. е. актер (*букв.* «льстец Диониса»), преобразуется здесь в «дионисиоколака», т. е. льстеца тирана.

что так хорошо умели делать Платон и его ученики — и чего вовсе не умел Эпикур! Он, старый школьный учитель на Самосе, сидел спрятанным в своем садике, в Афинах, и написал триста книг против Платона — кто знает, может быть, из злости и тщеславия? Целое столетие понадобилось для того, чтобы греки раскусили, кто, собственно, был это садовое божество — Эпикур. Да еще раскусили ли?

8. Во всякой философии есть пункт, в котором на сцену выступает «убеждение» философа, или, говоря языком одной старой мистерии, ADVENTAVIT ASINUS PULCHER ET FORTISSIMUS¹.

9. Вы хотите жить «сообразно с природой»? О вы, благородные стойки, какой обман слов! Вообразите себе существо такое, как природа, без меры расточительное, без меры равнодушное, без намерений, без внимания к чему бы то ни было, без пощады и справедливости, плодородное и бесплодное, неуверенное, представьте себе безразличие как власть — как могли бы вы жить сообразно с этим безразличием? Жить — разве это не значит хотеть: быть как раз иным, чем эта природа? Разве жить не значит хотеть оценивать, предпочитать, быть несправедливым, ограниченным, отличным от всего другого? И положим, что ваш императив «жить сообразно природе» означает, в сущности, то же, что «жить сообразно жизни», — как бы вы могли этого не делать? К чему делать принцип из того, что вы сами есть и должны быть? В действительности дело обстоит совершенно иначе: между тем как вы с восторгом объявляете, что вычитали канон вашего закона из природы, вы, удивительные актеры, себя

¹ Явился прекрасный и сильный осел (лат.).

самих обманывающие, хотите чего-то совершенно противоположного! Ваша гордость хочет природе — даже природе — предписать и привить вашу мораль, ваш идеал, вы требуете, чтобы она была природой «согласно с Стойей», и желали, чтобы все существующее существовало по вашему собственному образцу в качестве непомерного вечного возвеличения и распространения стоицизма! При всей вашей любви к истине, вы так долго, так упорно, так гипнотически-неподвижно принуждаете себя смотреть на природу ложно, то есть стоически, пока вы уже не можете видеть ее иною, а какое-то бездонное высокомерие внушает вам еще сумасшедшую надежду, что, потому что вы умеете сами себя истязать — стоицизм есть самоистязание, — природа также позволяет истязать себя: разве стоик не есть часть природы?.. Но это старая и вечная история: то, что случилось некогда со стоиками, случается еще и теперь, как только какая-либо философия уверует в самое себя. Она всегда создает мир по своему образцу — она иначе не может. Философия — это и есть сама та потребность, то духовное стремление к власти, к «созданию мира», к *causa prima*¹.

10. Усердие и пронизательность — я сказал бы, даже лукавство, с которым всюду в Европе занимают проблемой о «действительном и кажущемся мире», заставляет задуматься и прислушиваться, и тот, кто за этим слышит только «стремление к истине», тот не одарен особенно тонким слухом. В отдельных и редких случаях может быть при этом такое стремление к истине, ищущая приключений отвага, тщеславие оставшегося не у дел метафизика, которому в конце концов предпочтут пригоршню

¹ Первопричине (*лат.*).

«верного» целому возу прекрасных возможностей. Может быть, найдутся даже фанатики — пуритане совести, которые предпочтут опираться на верное «ничто», а не на неверное «нечто», но это — нигилизм и признак отчаявшейся, смертельно усталой души, как бы ни были храбры с виду действия такой добродетели. Но у более сильных, более жизненных, еще жаждущих жизни мыслителей дело обстоит не так. Становятся во враждебное отношение к кажущемуся и, произнося уже слово «перспективно» с высокомерием, они так же низко оценивают достоверность своего собственного тела, как и достоверность того обмана чувств, который говорит нам, что земля неподвижна, и, по-видимому, с удовольствием выпускают из рук верное достояние (ибо в чем теперь люди более уверены, чем в своем теле?). Кто знает, не хотят ли они, в сущности, завоевать обратно нечто, чем когда-то обладали с еще большей уверенностью, нечто вроде старинной веры былых времен, может быть веры в «бессмертие души», может быть в «старого Бога» — одним словом, понятия, с которыми лучше, крепче и веселее жилось, чем с «современными идеями». В этом есть недоверие к «современным идеям», неверие во все, что создано вчера и сегодня; может быть, к этому примешивается легкое раздражение и презрение, которое не может выносить ту смесь понятий самого различного происхождения, каким теперь является так называемый позитивизм, отвращение более избалованного вкуса к рыночной пестроте и лохмотьям этих жалких философов истины, у которых нет ничего нового и настоящего, кроме этой пестроты. Но в одном, мне кажется, следует согласиться с этими нынешними скептическими врачами действительности и микроскопистами познания: их

инстинкт, гонящий их из современной действительности, непреодолим — что нам до их окольных дорог, ведущих обратно! Самое существенное в них не то, что они хотят назад, а то, что они хотят прочь. Немного более силы, полета, мужества, художественности, и они захотели бы вон — а не назад!

11. Мне кажется, что всюду теперь стараются отвести глаза от действительного влияния, которое имел Кант на немецкую философию, и особенно благоразумно пройдена молчанием оценка, данная им себе самому. Кант прежде всего гордился своими категориями; со своей таблицей категорий в руках он говорил: «Это самое трудное, что могло когда-либо быть предпринято для пользы метафизики». Поймите, только это «могло быть»! Он гордился тем, что открыл в человеке новую способность, способность к синтетическим априорным суждениям. Положим, что он сам себя в этом обманывал; но развитие и быстрый расцвет немецкой философии связаны с этим сомнением и стараниями младших философов открыть нечто еще более горделивое — во всяком случае, открыть «новые способности». Подумаем, это своевременно. Каким образом возможны синтетические априорные суждения, спрашивает себя Кант — и что же он отвечает? Возможны в силу возможности. К сожалению, он отвечает не в двух словах, а так обстоятельно важно и с таким немецким глубокомыслием и вычурностью, что никто не заметил смешной *piaiserie allemande*¹, заключающейся в подобном ответе. Относительно этой новой способности люди выходили из себя, и восторг достиг своего апогея, когда Кант к тому же открыл еще моральную способность

¹ Немецкой глупости (*фр.*).

в человеке, ибо тогда немцы были еще «моральны» и отнюдь не «реально-политичны». Настал медовый месяц немецкой философии: все юные теологи тюбингенского заведения тотчас удалились в кусты, все стали искать «способности». И чего только не находили в этой невинной, богатой, еще юной эпохе немецкого духа, когда еще пела свои песни романтика, злобная фея, когда еще не умели делать различия между словами «находить» и «выдумывать»! Прежде всего способность к «сверхчувственному»: Шеллинг назвал это интеллектуальной интуицией и тем пошел навстречу сердечным желаниям своих отличающихся, в сущности, благочестивыми стремлениями немцев. Принимать всерьез это бурное и страстное движение, молодое, хотя оно и прикрывалось серыми и старческими понятиями, было бы крайне несправедливо, а тем более не следует относиться к нему с нравственным негодованием. Как бы то ни было, юноши состарились — мечта улетучилась. Настало время, когда все потирали себе лоб: его потирают и теперь. Грезили тогда, и прежде всех грезил старый Кант. «При помощи способности», — сказал или, по крайней мере, думал он. Но разве это ответ? Объяснение? Разве это скорее не повторение вопроса? Каким образом опиум заставляет спать? При помощи способности — *virtus dormitiva*, отвечает врач у Мольера:

Quia est in eo virtus dormitiva, cujus est natura sensus assoupire¹.

Но подобные ответы хороши в комедии, и пора, наконец, кантовский вопрос: «Каким образом

¹ Ибо есть в нем усыпляющая сила, природа которой в том, чтобы усыплять чувства (лат.) [Мольер. Мнимый больной, третья интермедия].

возможны синтетические суждения а priori?» заменить другим вопросом: «К чему нужна вера в такие суждения?» — и понять, что для цели сохранения существ нашей породы надо верить в истинность подобных суждений; к тому же они, конечно, могли бы еще быть ложными суждениями! Или, выражаясь более ясно, грубо и основательно: синтетические априорные суждения вовсе не должны бы «быть возможны»: мы не имеем никакого права на них, и в наших устах это все только ложные суждения. Конечно, вера в их истинность необходима, как вера в авансцену и обман зрения необходимы для перспективной оптики жизни.

Если мы вспомним еще, наконец, о громадном влиянии, которое «немецкая философия» — вы поймете, надеюсь, ее право на кавычки? — имела на всю Европу, то мы не усомнимся, что в этом большую роль играла известная *virtus dormitiva*. Благородные тунеядцы, люди добродетельные, мистики, художники, на три четверти христиане и политические обскуранты всех наций были в восторге получить благодаря немецкой философии противоядие против все еще сильного сенсуализма, который перешел в этот век из предыдущего, одним словом, *sensus assoupiré*.

12. Что касается материалистической атомистики, то ее можно легко опровергнуть, и в Европе, вероятно, не найдется ни одного ученого, могущего оказаться таким неучем, чтобы придавать ей какое-либо серьезное значение, благодаря далматинцу Босковичу, который вместе с поляком Коперником был до сих пор величайшим и победоноснейшим противником обмана зрения. В то время как Коперник уговаривает нас верить, противно свидетельству наших чувств, что Земля не

стоит на месте, Боскович учил нас отречься от веры в последнее, что еще оставалось твердым, — от земли, от веры в «материю», в атом: это было величайшим торжеством над чувствами, которое когда-либо было одержано на земле. Но мы должны идти еще далее и объявить беспощадную войну даже «атомистической потребности», которая все еще продолжает свое опасное существование в таких областях, где этого никто не подозревает. Мы должны уничтожить также еще другую, более опасную атомистику, которой лучше всего и дольше всего учило христианство, — это атомистика душ. Этим термином мы позволили себе означить ту веру, которая представляет душу как нечто несокрушимое, вечное, нераздельное, как монаду, как *Atomon*¹: эту веру следует удалить из науки! При этом, между нами говоря, нет никакой надобности отвергать самую «душу» и отказываться от одной из самых почтенных и древних гипотез, как это весьма неловко делают натуралисты, которые, как только затрагивают «душу», так ее теряют. Но путь к новым и более утонченным гипотезам души открыт, и такие понятия, как «смертная душа», и «душа как множественность субъекта», и «душа как общественное создание побуждений и аффектов», хотя отныне получить право гражданства в науке. В то время как новый психолог полагает конец суеверию, которое до сих пор с тропической роскошью разрасталось вокруг представления о душе, он сам себя вытолкнул в новую бесплодную пустыню, в новое недоверие — возможно, что прежним психологам было удобнее и веселее, — но, в конце концов, он знает, что он

¹ Атом, букв. «неделимое» (греч.).

этим осужден на то, чтобы изобретать, и — кто знает? — может быть, и на то, чтобы находить.

13. Физиологи должны быть осмотрительнее, выставляя инстинкт самосохранения главным побуждением органического существа. Прежде всего каждое живое существо хочет проявить свою силу — сама жизнь есть воля к мощи, и самосохранение есть только одно из косвенных и более частых последствий ее. Одним словом, здесь, как и везде, следует остерегаться излишних теологических принципов, к числу которых принадлежит и инстинкт самосохранения (мы обязаны им непоследовательности Спинозы). Так повелевает метод, который должен, главным образом, быть экономией принципов.

14. Теперь в пяти-шести головах возникает уже мысль, что физика есть только изложение и исправление мира (по нашему мнению, с позволения сказать), а не объяснение мира. Но поскольку она утверждается на вере в чувства, она ценится больше и еще долго должна цениться более того, а именно как объяснение. За нее стоят зрение и осязание, то, что видит глаз и трогает рука: это действует на век с плебейскими вкусами обворожительно, убедительно — ведь это инстинктивно следует канону истины вечно популярного сенсуализма. Что ясно? Что «объясняет»? Прежде всего то, что можно видеть и осязать, — до этого надо довести каждую проблему. Наоборот, как раз в противодействии чувственности и состояло очарование платоновского мышления, которое было благородным мышлением, может быть, среди людей, отличавшихся более сильными и требовательными чувствами, нежели наши современники, но которые умели находить высшее торжество в

том, чтобы оставаться господами этих чувств: они достигали этого посредством бледных, холодных, серых сетей — понятий, которые они набрасывали на пестрый чувственный вихрь, на сброд чувств, как говорил Платон. В этом одолении мира и толковании его по способу Платона было другого рода наслаждение, отличное от того, которое предлагают нам нынешние физики, а также дарвинисты и антителеологи между физиологами с их принципом «возможно меньшей силы» и возможно большей глупости. «Там, где человеку нечего видеть и осязать, там ему нечего и искать» — это, конечно, совершенно иной императив, нежели платоновский, но который, однако, как раз подходит для крепкого, работающего поколения машинистов и строителей мостов будущего, которым приходится делать только одну грубую работу.

15. Чтобы со спокойной совестью заниматься физиологией, следует держаться воззрения, что органы чувств не представляют явлений в смысле идеалистической философии: как таковые они не могли бы быть причинами! Сенсуализм является по крайней мере регулятивной гипотезой, чтобы не сказать эвристическим принципом. Как? А ведь другие утверждают, что внешний мир есть создание наших органов? Но тогда бы и наше тело, как часть этого внешнего мира, было бы также созданием наших органов? А это, как мне кажется, было бы совершенным *reductio ad absurdum*¹, предположив, что понятие *causa sui*² есть совершенная нелепость. Следовательно, внешний мир не есть создание наших органов?

¹ Приведением к нелепости (*лат.*).

² Причина самого себя (*лат.*).

16. На свете все еще есть безобидные само-наблюдатели, которые думают, что существуют «непосредственные достоверные истины», как, например, «я мыслю», или, подобно суеверию Шопенгауэра, «я хочу», — как будто здесь познание овладело своим предметом в чистом и обнаженном виде, как «вещью в себе», и как будто со стороны субъекта и со стороны объекта не существует никакой подделки. Но «непосредственная уверенность», точно так же, как «абсолютное познание» и «вещь в себе», заключает в себе *contradictio in adjecto*¹, и я сто раз буду повторять: надо же наконец освободиться от обольщения слов! Пусть народ думает, что познание есть окончательное знание, философ может говорить себе: когда я разлагаю действие, содержащееся в выражении «я мыслю», то я получаю ряд смелых мнений, обоснование которых трудно, а может быть, и невозможно: например, что именно я, который думает о необходимости вообще существования такого нечто, которое думает, что мышление есть деятельность и действие со стороны существа, которое представляется как причина, что существует «я», наконец, что установлено уже значение слова «мыслить», что я знаю, что такое мыслить. Ибо если я не решил бы этого уже в самом себе, то почему мог бы я узнать, что то, что происходит, не есть «хотение» или «чувство»? Одним словом, это «я мыслю» предполагает, что я свое мимолетное состояние сравниваю с другими состояниями, которые я у себя знаю, чтобы таким образом установить, что оно представляет; но вследствие этого отношения к дальнейшему «знанию» оно во всяком случае не имеет для меня «непосредствен-

¹ Противоречие между определяемым и определяющим (*лат.*).

ной достоверности». Вместо этой «непосредственной достоверности», в которую народ в известном случае может верить, философ получает ряд метафизических вопросов, настоящих вопросов совести интеллекта, которые гласят: «Откуда я беру понятие „мыслить“? Почему я верю в причину и действие? Что дает мне право говорить о „я“, да еще о „я“ как о причине и, наконец, о „я“ как причине мышления?» Кто берет на себя смелость ссылаться на нечто вроде интуиции познания, чтобы ответить тотчас же на эти метафизические вопросы, как это делает тот, кто говорит: «Я думаю и знаю, что это по крайней мере правда, действительно, верно», тот встретит улыбку и вопрос на лицах философов. «Милостивый государь, — может быть, скажет ему философ, — это невероятно, чтобы вы не ошибались: но почему же нужна непременно истина?»

17. Что касается суеверия логиков, то я неустанно буду всегда подчеркивать один маленький, коротенький факт, который неохотно допускается этими суеверами, а именно, что мысль приходит, когда «она» хочет, а не когда «я» хочу. Поэтому является извращением факта, когда говорят: подлежащее «я» обуславливает сказуемое «мыслью». Оно думает; но чтобы это «оно» именно было знаменитое «я» — это, мягко выражаясь, есть предположение, мнение, но отнюдь не «непосредственная достоверность». Наконец, и этому «нечто думает» придается уж слишком много значения: уже это «оно» содержит в себе изложение процесса, но не принадлежит к самому процессу. Мы заключаем здесь по грамматической привычке: «Мыслить есть деятельность; для каждой деятельности должен быть тот, который действует; следовательно...» Приблизительно по этой схеме старая атомистика

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
Глава I. О ПРЕДРАССУДКАХ ФИЛОСОФОВ	8
Глава II. СВОБОДНЫЙ ДУХ	35
Глава III. О РЕЛИГИИ	60
Глава IV. АФОРИЗМЫ И ИНТЕРМЕДИИ	81
Глава V. К ВОПРОСУ О ЕСТЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ МОРАЛИ	93
Глава VI. МЫ, УЧЕННЫЕ	119
Глава VII. НАШИ ДОБРОДЕТЕЛИ	142
Глава VIII. НАРОДЫ И ОТЕЧЕСТВА	171
Глава IX. О СУЩНОСТИ БЛАГОРОДСТВА	200

Ницше Ф.

Н 70 По ту сторону добра и зла : Прелюдия к философии будущего / Фридрих Ницше ; пер. с нем. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2020. — 240 с. — (Азбука-классика. Non-Fiction).

ISBN 978-5-389-09551-9

«По ту сторону добра и зла» (1886) — этапная работа Фридриха Ницше, которая предваряет заключительный, наиболее интенсивный период его творчества, отмеченный подведением философских итогов предшествующей человеческой истории и предвидением важнейших социальных и духовных коллизий XX века. Идея сверхчеловека, сформулированная в книге «Так говорил Заратустра», развивается в новом сочинении Ницше в форме отточенных аналитических афоризмов, в которых сконцентрирована острая авторская критика современности — ее философии, науки, искусства, политики и, главное, морали. На страницах этой пророческой работы, не случайно имеющей подзаголовок «Прелюдия к философии будущего», немецкий мыслитель предсказал и грядущий распад европейской духовности, и «восстание масс» с последующим воцарением «грядущего хама», и нивелирование личности под флагом всеобщего равенства людей, и грандиозную борьбу за мировое господство, и тоталитаризм как следствие демократизации Европы. Неизбежность этих событий и явлений продиктована, по мысли Ницше, чреватой тиранией «моралью рабов», которой отравлено его время и над которой он призывает возвыситься философов будущего, способных, как ему представляется, стать *по ту сторону добра и зла*.

УДК 1/14
ББК 87.3

Литературно-художественное издание

ФРИДРИХ НИЦШЕ

ПО ТУ СТОРОНУ ДОБРА И ЗЛА

Прелюдия к философии будущего

Художественный редактор Валерий Гореликов

Технический редактор Татьяна Тихомирова

Компьютерная верстка Алексея Положенцева

Корректоры Светлана Федорова, Елена Орлова

Главный редактор Александр Жикаренцев

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

Подписано в печать 02.10.2019. Формат издания 75 × 100 1/32.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 10,57. Заказ №

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА® —
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

в Санкт-Петербурге

191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60

E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах
на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

Y-NFA-17578-08-R